

СЕРИАЛ И ЭКРАННАЯ КУЛЬТУРА: СТАТЬИ ПО ИТОГАМ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ПРОВЕДЕННОЙ В ГОСУДАРСТВЕННОМ ЦЕНТРАЛЬНОМ МУЗЕЕ КИНО 13 ДЕКАБРЯ 2019 ГОДА. ЧАСТЬ I

УДК 972.8.01.067.2

Телесность и каннибализм в сериале Б. Фуллера «Ганнибал»: мифологические и онтологические смыслы

НЕСТЕРОВА Е. А.

Аннотация

Идея данного исследования состоит в том, чтобы дать метафизическую и онтологическую перспективу мотиву каннибализма в проекте Б. Фуллера «Ганнибал». Этот сериал всесторонне использует мифологические коды, например, греко-римскую мифологию и христианский код. Менее очевидно то, что мифологии американских индейцев также использованы для создания мира «Ганнибала», и не однократно, а не только в образе Вендиго. Однако этот образ указывает, что вся тема каннибализма имеет корни в индейских мифологиях. Анализ этой предпосылки привел к выявлению роли и смысла каннибализма как ведущего и определяющего элемента в контексте метафизики и онтологии проекта Б. Фуллера «Ганнибал».

Ключевые слова

каннибализм, метафизика, онтология, индейские мифологии, Ганнибал Лектер

UDC972.8.01.067.2

Corporality and cannibalism in B. Fuller's series «Hannibal»: mythological and ontological context

NESTEROVA E. A.

Summary

The idea of this article is to give metaphysical and ontological perspective to the cannibalistic motif in B. Fuller's «Hannibal» series. The project is extensively using mythological codes, such as Ancient Greek and Roman mythology or Christian code. Less obvious is that Native American mythologies are used to create the world of «Hannibal» not singly in the image of Vendigo. This character indicates that the whole cannibalistic motif has to do with Native American mythologies. Analyzing this premise led to explicating the role and meaning of cannibalism as the essential, vital part of «Hannibal's» metaphysics and ontology.

Key words

Cannibalism, metaphysics, ontology, Native American mythologies, Hannibal Lecter

Каннибализм является не просто одной из основных тем сериала «Ганнибал» в связи с тем, что главный герой сериала — каннибал. Убийства вообще и каннибализм в особенности выступают как ключевая организующая тема проекта Б. Фуллера («Hannibal», NBC, 2013–2015). Тем не менее, это не самоочевидный факт по нескольким причинам.

Как мы сказали, формальной причиной возникновения темы каннибализма является то, что сериал опирается на персонажей Томаса Харриса, а выбранный в роли главного героя психиатр доктор Лектер — каннибал уже в произведениях Харриса. То есть никакой специальной цели в сериале, как можно предположить, эта тема не имеет: это факт, с которым нужно иметь дело при экранизации. Поскольку сериал является триллером, что предполагает страх, ужас в интриге, коллизиях, поведении персонажей, предметном наполнении кадра и т. д., каннибализм отлично вписывается в требуемую этим жанром канву. Отметим, однако, что проект Фуллера использует эстетику безобразного, пугающего, отвратительного в качестве основного визуального решения, — источника удовольствия. Сериал обладает сильной суггестией, заставляя зрителя представить себя в демонстрируемой ситуации и тем самым вынудить смотрящего ответить для себя на возникающие при этом вопросы.

Таким образом, можно вообще пропустить эту тему как отдельный содержательный элемент. Между тем, за темой каннибализма стоят два различных вопроса. Первый: зачем Лектер ест людей? Это вопрос к уровню произведения, и, в принципе, зритель имеет право ответить на него максимально простым способом — «потому что это Лектер, он каннибал». То есть зритель не видит в каннибализме как теме художественного приема. А это, как и обилие мифологических отсылок в сериале, именно прием. А если это прием, то как раз-таки правомерен совершенно другой вопрос: зачем создатели сериала обращаются к этой теме?

Если исходить из того, что обращение к тематике каннибализма (по крайней мере выведение ее на передний план: количество героев-каннибалов далеко не сводится к психиатру) является художественным приемом, и, следовательно, создатели сериала

использовали ее с какой-то целью; и допустить, что этой целью не являлось шокировать или напугать зрителя — то каким смыслом, какой целью обладает этот художественный прием в контексте произведения?

На наш взгляд, значимо, что каннибализм в проекте Фуллера относится не к уровню эстетики (то есть ставившаяся задача не в том, чтобы шокировать зрителя), а к уровню метафизики сериала. Каннибализм не просто череда чего-то жуткого, отталкивающего и устрашающего, создающая атмосферу аномальности. В гораздо большей степени это сквозная нить, несущая в себе значительный объем смысла. Более того, это смысл, организующий сам мир сериала, задающий его правила, его онтологическую и метафизическую глубину. Однако, как и большинство других «очевидных», ярких и броских приемов в сериале (христианский код, другие мифологические отсылки), каннибализм в значительной степени скрывает несомый им смысл от профанного зрителя, который будет воспринимать его лишь как часть «страшной картинки». Поэтому требуется дополнительное усилие, чтобы «распаковать» смысл и роль этой тематики в пространстве мира «Ганнибала».

Каннибализм является одной из сквозных тем любой мифологии, поскольку связан с мифом, повествующем о сотворении Космоса. Для творения нужна жертва (или «жертва является неотъемлемым элементом и необходимым условием творения»). Космос есть мир гармоничный, то есть мир ограниченный. Соответственно, ограничены и все тварные вещи, и, собственно, твари. То есть все живое в Космосе не может само быть для себя вечным, неистощимым источником сил. Таким образом, сотворение мира с неизбежностью ставит вопрос питания живых существ.

«Акт питания, то есть принятия организмом силы, таящейся в другом организме, — это не деталь «физиологической» жизни, не явление только посюсторонней природы, — а великий символ, говорящий об одной из основных тайн жизни, потому что указанное только что принятие в себя жизни другого — есть именно такая тайна» [5, с. 138]. Поэтому фактически в любой религиозной или мифологической системе будет присутствовать как минимум один из мотивов: первая жертва, совершенная богами для сотворения мира (создание мира из чьего-то тела, например, Тиамат или Пуруши) и/или Умиряющее божество, выступающее поставщиком пропитания для людей (отдающее свое тело в пищу).

Таким образом, на мифологически-онтологическом плане питание и жертва/убийство всегда связаны, так как имеют одно происхождение и общую причину. Поэтому возникновение каннибалистских мотивов в религиозном контексте вполне закономерно. Антропологи предполагали, что смысл каннибализма скрывается в том, что он виделся практикующим его способом установить связь с сакральной, потусторонней сферой мироздания. «Пищевые культы, таинство и жертва вовлекают человека в общение с провидением, с обеспечивающими изобилие силами» [1, с. 61].

Сериал «Ганнибал» мифологичен, что эксплицировано. Однако менее очевидно то, что одной из мифологий, вступающих в игру формирования внутреннего кода сериала и конкретного смысла каждого элемента в этом коде, является мифология индейская. Фактически единственной отсылкой к комплексу индейских верований является Вендиго. Даже пернатого оленя нельзя считать очевидной, доступной не-американцу отсылкой к индейским мифологиям.

Тем не менее, этот комплекс представлений и картина мира, при более пристальном изучении, оказывается очень активным компонентом, закладывающим смысл основных, несущих тем сериала, а именно каннибализма и восприятия убийства человека вообще.

Если обратиться к индейским мифологиям, обнаружатся весьма специфические, не вполне привычные западному человеку основания восприятия убийства и телесности.

Во-первых, исследователи индейских мифов приходят к выводу, что в индейской картине мира основополагающим является принцип хищничества, что позволяет назвать индейскую мифологическую систему в целом «Метафизикой хищничества» [4, с. 97]. Человек — это хищник в ряду-цепочке-иерархии других хищных существ. И «возможность [человеческого] сообщества есть нижний предел хищничества» [4, с. 27].

Во-вторых, мифологии индейцев описывают состояние мира в период так называемого «Времени снов». А это «время, когда люди и животные были людьми», или, по формулировке Э. В. де Кастру, «в начале все животные были людьми» [4, с. 111]. То есть для индейца, с некоторыми оговорками, любое убийство это всегда убийство человека. «Общим состоянием людей и животных является не животность, а человечность» [4, с. 35]. Однако избежать убийства нельзя, так как человеку необходима пища. В связи с этим убийство не табуировано, так как оно неизбежно, и жестко встроено в насущную картину мира через меру ответственности. А ответственность — это понимание, осознание.

Сакральность, то есть свойство взаимодействия с Высшим, каннибализм приобретает при некоторых условиях.

В силу этого, в индейских каннибальских практиках выстраивается весьма сложная и неординарная система отношений между жертвой и убийцей, который будет ее поедать. Де Кастру, осмысливающий опыт индейских культур, предполагает, что специфика восприятия каннибализма индейскими племенами состоит в том, что сакральность каннибализма обеспечивалась не столько идеей связи с трансцендентными божественными силами, сколько с Иным другого человека. Поэтому смысл поедания тела состоял в поглощении Иной личности, то есть иной перспективы, иной точки зрения на мир. «В жертве усваивали именно знаки ее инаковости, а целью была инаковость как точка зрения на себя. Каннибализм и индейский способ ведения войны, который с ним связан, включали в себя парадоксальный процесс взаимного самоопределения через точку зрения врага» (выделение мое. — Е. Н.) [4, с. 100].

«Через своего врага убийца... видит себя и представляет себя как врага, «в качестве врага». Он воспринимает себя как субъекта (то есть как человека. — Е. Н.) с того момента, когда видит себя самого глазами своей жертвы». Вспомним самый частотный вопрос в сериале: «What do you see?» (Что ты видишь?), — равно как и сцену знакомства доктора Лектера и Уилла Грэма: Eyes are distracting. You see too much. You do not see enough. («Глаза отвлекают. Ты видишь слишком много. Ты не видишь достаточно»), 1:1¹.

Итак, ключевой смысл всего ритуала — в поглощении не тела, но точки зрения другого человека, поэтому разность, различность принципиально важна. Но, одновременно с этим, подготовка к ритуальному убийству и поеданию обязательно включала в себя действия, стремящиеся (на символическом уровне) превратить поедателя и поедаемого в одно и то же. Например, наиболее традиционным способом являлась свадьба сестры «палача» и «жертвы» [4, с. 98]. Исследователь Зубов отмечает:

¹ В указании серии первая цифра — сезон, вторая — эпизод. Здесь и далее перевод автора. — Прим. авт.

«И в том и в другом случае жертвователю необходимо отождествить себя с жертвой. При стремлении к соединению с Богом жертва или сама освящается в качестве тела божества или является пищей в божественной трапезе. В обоих случаях человеку следует вкушать от жертвы, чтобы достичь единения с объектом жертвоприношения, с Богом. В случае очищения грехов жертвователя жертву часто подвергают предварительно истязаниям, а после заклания поедают не для соединения с Богом, но для соединения с самим принесенным в жертву, ибо он своими страданиями искупил грехи жертвователей и, превратившись в жертвенную пищу, передает свою невинность участвующим в трапезе. В обоих этих случаях может иметь место явный или символический ритуальный каннибализм» [2, с. 259].

Такая структура отношений очень схожа с отношениями, выстраивающимися между главными героями сериала: профайлером ФБР Уиллом Грэмом («жертвой») и Ганнибалом Лектером («шаманом-палачом-убийцей» в терминологии индейской каннибалистской практики). В отношениях главных героев сериала большую значимость приобретает именно личность Другого, получение полноценной возможности быть другой личностью. Собственно, именно в этом и состоит «дар-проклятие» и гениальность профайлера Уилла Грэма: он обладает способностью встать на перспективу убийцы, стать им на время, чтобы разгадать, почему было совершено преступление. И именно это и привлекает в Грэме Лектера. Однако в итоге герои «сливаются» (blur) и необходимость в фактическом акте поедания отпадает. «Есть аналогия нашей мистерии — там, в высшем плане бытия, — трапеза господня на горнем месте, которая, как и наша жертвенная мистерия, есть “странствие”. Здешняя жертва — лишь проекция той, высшей трапезы в плоскости нашей земной жизни. Там, конечно, нет уже заклания, нет смерти, потому что божество не встречается там с враждебной силой, как здесь, у нас, но та любовь, которая здесь готова на смерть, там имеет свое аналогичное выражение — тем самым самой здешней смерти придавая положительный смысл, и принятие жизни другого и отдача жизни другому — то, что у нас знаменуется нашим актом питания, — должно предполагать соответствующий момент в трапезе, становясь трапезой высшего порядка. <...> Принятие в себя жизни самого божества означает для человеческого “я” нахождение в себе не божественной силы только, а самого божественного “я”, которое не перестает быть “я”, то есть абсолютом, а наоборот, само наделяет абсолютностью “я” человеческое, — и это последнее не поглощается, будучи отдано абсолюту, а наоборот, впервые находит себя, свое подлинное — потому что вечное — “я”. Отдавая жизнь свою, отдавая себя божеству, человек тем спасает себя от власти безличных сил времени, стихий, пространственности, преходимости, потока жизни и т.п.» [5, с. 138–139].

Собственно, основной темой всех трех сезонов «Ганнибала» и является смена точек зрения Уилла Грэма на себя, своего врага и трансформация их взаимоотношений в связи с каждой из этих перемен перспективы. Герои стремятся стать друг другом: увидеть, понять, разгадать, съесть или поймать, принять или сделать собой.

Смысл всего этого сложного и маргинального комплекса действий, по де Кастру, состоит для индейцев в том, чтобы «показать нам тот образ нас самих, в котором нам себя не узнать» [4, с. 22]. Грэм и Лектер, напротив, слишком хорошо узнают себя друг в друге, вокруг чего и строится их борьба.

Уилл Грэм говорит: «I have never known myself so well as when I am with him» («Я никогда не знал себя так хорошо, как когда я с ним») 3:3 и «I've never felt myself so alive than when I was killing him» («Я никогда не чувствовал себя настолько живым, как когда убивал его») 2:10. Отношения Уилла Грэма и Ганнибала Лектера в сериале вполне отвечают непрямолинейной логике максимального отличия и совершенного совпадения. В формулировке самих же героев, они «identically different»: идентично различны.

Де Кастру описывает структуру каннибализма как практики таким образом: Дар — каннибализм — становление врагом [4, с. 135].

В финальной сцене второго сезона Ганнибал объясняет Уиллу свои действия так: «I let you know me. See me. I gave you a rare gift» («Я позволил тебе знать меня. Видеть меня. Я дал тебе редкий дар») 2:13. Дар состоит в том, что Уилл знает, что Лектер — каннибал. Получению этого знания фактически посвящен первый сезон сериала, как и тому, чтобы стать каннибалом, хотя бы вынужденно или символически. Однако Лектер намеренно добивается того, чтобы они с Уиллом стали врагами. Казалось бы, это очень странная логика действий, если ты хочешь заполучить Грэма в союзники. Однако Лектер руководствуется другой логикой. Эта логика состоит в том, что стать им самим (чего, очевидно, и хочет Лектер) Грэм может только из состояния «врага», из позиции, противоположной его собственной. Нельзя просто съесть Уилла, не соблюдая условий, превращающих убийство и поедание человека собственно в сакральный акт каннибализма.

Отдельной заметной темой второго-третьего сезонов сериала является Становление Грэма. В последней серии третьего сезона оно достигает кульминации в сознательном убийстве Уиллом Дракона, но, что еще важнее, в принятии точки зрения Ганнибала: «она (кровь) и впрямь черная в лунном свете. ...Это красиво» 3:13. «This is my Becoming» («Это мое Становление»), прямым текстом говорит Уилл о происходящем с ним.

То есть в сериале мы находим точное соответствие схеме «Дар — каннибализм — становление врагом», где каннибализм является центральной точкой и одновременно — инструментом, но не целью. Ганнибал не съел Уилла, и закончились их отношения не на фазе «врагов». Однако именно каннибализм позволяет нам взглянуть вглубь этих отношений и понять их причину, мотивацию, цель. «Импликация возможного в другом эксплицируется мной» [4, с. 145], — пишет де Кастру о логике поглощения точки зрения врага, о логике каннибализма. То есть для того, чтобы другой стал кем-то, необходим я, но зеркально — чтобы я стал кем-то, нужны глаза Другого, глаза врага, взгляд, который эксплицирует, то есть выведет на уровень реально сущего, то, что есть во мне лишь потенциально. Или, как формулирует это Лектер: «No one can be fully aware of another human being unless we love them. By that love, we see potential in our beloved. Through that love, we allow our beloved to see their potential. Expressing that love, our beloved's potential comes true» («Никто не может полностью осознавать другого человека, если только мы не любим его. Этой любовью мы видим в нашем любимом потенциал. Через эту любовь мы позволяем нашим возлюбленным увидеть их потенциал. Выражая эту любовь, [мы заставляем] потенциал нашего любимого становится реальностью») 2:9.

Отношения между жертвой и каннибалом, поглощение «Я» Другого, как оказывается, в глубине своей соотносится с любовью. Как отмечает чуткий зритель фильма о Ганнибале Лектере «There you have it. Cannibalism is about love» («Вот

оно. Канныализм — это про любовь» [8].

Антрополог Б. Малиновский, изучавший в первые десятилетия XX века меланезийцев и папуасов Новой Гвинеи, пишет: «Это делается с крайним отвращением и страхом и сопровождается обычно обязательным использованием рвотных средств. В то же время это воспринимается как высший акт почитания, любви и преданности (выделение мое. — Е. Н.). Фактически этот обычай рассматривается как священная обязанность меланезийцами Новой Гвинеи, которых я изучал и был свидетелем того, что он все еще тайно соблюдается, хотя сурово карается белым правительством» [3].

В сериале на протяжении трех сезонов происходит последовательное разворачивание и усложнение от физиологического убийства к символу, а от символа, казалось бы, в обратном направлении — вновь к убийству «буквальному». Однако смысл замены символического действия на буквальное является приращением. Если на уровне первого сезона правомерно рассматривать убийства, в том числе с сопутствующим поеданием тела жертвы, как убийство, и ничего более, то затем поедание жертвы необходимо рассматривать как символическое присвоение личности убитого. В отношениях же Лектера и Грэма происходит переход через, сквозь канниализм (Ганнибал отказывается съесть Уилла, как бы ему этого не хотелось), то есть от физического поглощения, герои переходят к слиянию точек зрения актуальному, пусть и метафизическому. Однако смысл и логика канниализма как темы при этом не теряется и не отрицается в связи с переходом к «убийству буквальному». Напротив, проекту Фуллера удается прирастить смысл, не уходя полностью в символически-метафорический план. Наоборот, поскольку в отношениях героев полностью развернута и актуализирована идея «поглощения личности другого» и снята необходимость актуального физического поглощения одного героя другим, сохранение убийства физического дает следующий шаг в смысле, содержании этого действия. Если образное, символическое сакральное действие канниализма перенесено на фактический, физический план, то, аналогично, и символическое обожествление жертвы с сакрального плана должно быть перенесено на «буквальный», физически-реальный план действия. Если и Лектер, и Грэм остаются людьми и остаются живы, то каждый зритель (как присутствующий при сакральном акте) становится не просто «причастным мистерии», а божественным. Наблюдающий является соучастником, говоря словами героев сериала. Иначе говоря, «Ганнибал» накормил каждого зрителя гранатовым зерном². Смысл в том, что «канниализм — это всегда о любви», но, что еще важнее, в том, что «всё здесь». Смысл всех сложных, закодированных метафорических и символических действий в том, что все они имеют смысл здесь, в актуальной первичной реальности зрителя.

Перспектива индейских мифологий позволяет глубже понять мотивы главных героев, определить смысл канниализма в сериале наряду с метафизическим смыслом остальных убийств и уточнить метафизику создаваемой Фуллером вселенной.

Литература

1. *Гараджа В. И.* Религиоведение. М.: Аспект-пресс, Б. г. (1995). [электронное издание, режим доступа: свободный].— URL: <https://www.rulit.me/books/religievedenie-read-141904-61.html>
2. *Зубов А. Б.* История религий. Книга первая: Доисторические и вне-исторические религии. М.: Планета детей, 1997. 344 с.
3. *Каневский Л.* Канниализм. М.: КРОН-ПРЕСС, 1998 [электронное издание, режим доступа: свободный].— URL: <https://libking.ru/books/sci-/sci-religion/162889-lev-kanevskiy-kannibalizm.html>
4. *Кастру Э. В., де.* Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 199 с.
5. *Мейер А. А.* Философские сочинения. Paris: La presse libre, 1982. 471 с.
6. *Резников К. Ю.* Запросы плоти. Еда и секс в жизни людей. Гл. «Канниализм» [электронное издание, режим доступа: свободный].— URL: https://www.litmir.me/br/?b=211020&p=18#section_34
7. Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии / Сост. Гараджа В. И., Руткевич Е. Д.]. М.: Аспект-пресс, 1996. [электронное издание, режим доступа: свободный].— URL: http://biblo-ok.ru/guman-ok/_Index-135.php
8. *Coloursofbyron.* The first and last Hannibal movie: Hannibal Rising. (Webber, 2007) <https://thecannibalguy.com/2019/09/22/hannibal-rising-2007/>

References

1. *Garadzha V. I.* Religievedenie. [Religious studies] M.: Aspekt-press, B. g. (1995). [elektronnoe izdanie, rezhim dostupa: svobodnyj].— URL: <https://www.rulit.me/books/religievedenie-read-141904-61.html>
2. *Zubov A. B.* Istoriya religij. Kniga pervaya: Doistoricheskie i vne-istoricheskie religii. [History of religions. The first book: Prehistoric and non-historical religions.] M.: Planeta detej, 1997. 344 s.
3. *Kanevskij L.* Kannibalizm. [Cannibalism] M.: KRON-PRESS, 1998 [elektronnoe izdanie, rezhim dostupa: svobodnyj].— URL: <https://libking.ru/books/sci-/sci-religion/162889-lev-kanevskiy-kannibalizm.html>
4. *Kastru E. V., de.* Kannibal'skie metafiziki. Rubezhi poststruktornoj antropologii. [Cannibal metaphysicians. Frontiers of poststructural anthropology] M.: Ad Marginem Press, 2017. 199 s.
5. *Mejer A. A.* Filosofskie sochineniya. [Philosophical writings] Paris: La presse libre, 1982. 471 s.
6. *Reznikov K. Y.* Zaprosy ploti. Eda i seks v zhizni lyudej. Glava «Kannibalizm» [elektronnoe izdanie, rezhim dostupa: svobodnyj]. [The queries of the flesh. Food and sex in people's lives.] — URL: https://www.litmir.me/br/?b=211020&p=18#section_34
7. *Religiya i obshchestvo: Hrestomatiya po sociologii religii* [Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии] / Sost. Garadzha V. I., Rutkevich E. D.]. M.: Aspekt-press, 1996. [elektronnoe izdanie, rezhim dostupa: svobodnyj].— URL: http://biblo-ok.ru/guman-ok/_Index-135.php
8. *Coloursofbyron.* The first and last Hannibal movie: Hannibal Rising. (Webber, 2007) <https://thecannibalguy.com/2019/09/22/hannibal-rising-2007/>

² Смотри миф об Аиде и Персефоне.— Прим. авт.